

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Астраханский государственный университет»
(Астраханский государственный университет)

кафедра философии

РЕФЕРАТ

**для сдачи кандидатского экзамена
по истории и философии науки**

**на тему: «Трансформация методологических основ отечественной
исторической науки на рубеже XX-XXI в.в.»**

Выполнил:
Хотинецкий Олег Николаевич
кафедра истории России

Астрахань – 2021 г.

Содержание

Введение	2
§ 1. Кризис советской исторической науки. Дискуссии о перспективах развития российской исторической мысли в конце 80-х – 90-е гг. XX в.....	5
§ 2. Постмодернистский вызов для исторической науки.....	9
§ 3. Пространство российской исторической науки начала XXI в.: проблемы методологии.....	14
Заключение.....	21
Список использованной литературы.....	23

Введение.

Актуальность темы связана с необходимостью уточнения исследовательской парадигмы современной исторической науки в условиях господства постмодернизма в современной философии. Постмодернизм ставит под сомнение существование объективной истины, что является серьезным вызовом для исторического исследования, нацеленного на объективность.

Новизна исследования связана с установлением концептуальных связей между методологическими основами отечественной исторической науки и основами современного философского мировоззрения, в частности признанием определенной степени субъективности исторического знания и использованием вероятностного подхода.

В качестве практической значимости работы выступает положение, что понимание методологических основ современной отечественной исторической науки способствует проведению более качественного научного исследования в области внутренней политики и формирование системы взаимодействия государственной и региональной муниципальной власти.

В основе методологии исторической науки лежит философское осмысление истории. Историческое познание в традиции западной мысли реализуется в теоретических формах философии истории, пересекающейся с концептуализациями истории в западнохристианской теологии и научной историографии. Так сложилось, что определенная разновидность философии истории выполняет функцию методологической, метатеоретической рефлексии и по отношению к другой разновидности философии истории, и по отношению к научной историографии. В связи с этим необходимо, прежде всего, рассмотреть в общих чертах предметную сферу и основные виды философии истории.

Предметом философии истории является историческое измерение человеческого бытия и возможность его осознания и познания. В философии истории объектом исследования является всемирная история как нечто целое

или тот либо иной сегмент исторической жизни людей. Особую сферу философии истории образует философский анализ границ, возможностей, форм и методов исторического познания.

Из такого понимания следует принятое в XX в. разделение философии истории на два вида. Первый осуществляет философскую тематизацию, исследование и осмысление исторического процесса как определенной бытийной сферы, как одного из главных контекстов существования человека.

Такую философию истории принято называть материальной, онтологической или субстанциальной философией истории.

Философия истории как онтология истории призвана указать сущностное содержание, процессуальную форму и смысл истории.

Второй вид философии истории, связанный с осмыслением природы исторического познания, соответственно обозначается как критическая, аналитическая философия истории. Этот вид философии истории призван определить рамки исторического исследования.

Главный современный «постмодернистский вызов» истории был направлен против ее представления об исторической реальности и, следовательно, об объекте исторического познания, которые выступали в новом толковании не как нечто внешнее познающему субъекту, а как то, что конструируется языковой и дискурсивной практикой.

Язык стал рассматриваться как смыслообразующий фактор, детерминирующий мышление и поведение: ведь именно язык заставляет нас мыслить так, а не иначе». Тем не менее, в семиотическом анализе специфика языка и дискурса, активно воздействующих на социальные процессы, определяется социальным контекстом. Было также подвергнуто сомнению и сокрушительной критике представление о «естественности» исторического дискурса как такового, проблемой стало само понятие и предполагаемая специфика исторического нарратива как формы адекватной реконструкции прошлого. Постмодернистский дискурс сделал акцент на креативный характер исторического повествования, выстраивающего неравномерно

сохранившиеся, отрывочные и нередко произвольно отобранные сведения источников в последовательный временной ряд.

Также по-новому был поставлен вопрос не только о возможной глубине исторического понимания, но и о привычных критериях объективности и способах контроля со стороны исследователя над собственной творческой деятельностью. Как подчеркивал А. Я. Гуревич, «было бы ошибочным отрицать тот факт, что постмодернистская критика историографии обнаружила действительные слабости в методологии историков. Она как бы разбередила раны, на которые историки до недавнего времени не обращали должного внимания».

В целом можно отметить, что использование постмодернистского дискурса привело к расширению возможностей и исследовательского поля исторической науки.

§1. Кризис советской исторической науки. Дискуссии о перспективах развития российской исторической мысли в конце 80-х – 90-е гг. XX в.

Основные характеристики кризиса исторической науки. В конце 1980-х гг., в условиях радикальных перемен в жизни социума и историко-публицистического бума, буквально захлёстывающего массовое общественное сознание, отечественная историческая наука включается в «перестройку». Как отмечает А. П. Логунов, начинается радикальная критика самих оснований советской историографии, вслед за которой большинство историков приходят к выводу, что отечественная историческая наука вступила в полосу глубокого, идентификационного по своей сути кризиса¹

Этот кризис отечественной исторической науки определялся не только профессионально-корпоративными обстоятельствами. Несостоятельность социального проекта, в решение которого оказалась вписанной советская историческая наука, поставила на повестку дня вопрос о необходимости изменения качества самого историографического проекта, когда «исторической науке из науки по преимуществу социально-политической предстояло стать наукой гуманитарной².

Основными средствами преодоления кризиса для отечественной исторической науки стало вхождение в мировое историографическое пространство, когда отечественным историкам стала доступной для использования многочисленная переводная литература – работы классиков мировой историографии, прежде всего по проблемам методологии истории.

Кроме того, основную роль в процессе преодоления методологического вакуума в отечественной историографии сыграла научная периодика. Теоретико-методологические проблемы современного научно-исторического знания заняли достойное место на страницах академических отечественных

¹ Логунов А.П. Отечественная историографическая культура: современное состояние и тенденции трансформации. Российский государственный гуманитарный университет. 2001. С. 7.

² Там же. С.48

исторических журналов «Вопросы истории», «Отечественная история», «Новая и новейшая история». Публиковавшиеся материалы, часто полемического характера, не только вводили отечественного читателя в круг методологических дискуссий, определяющих облик современной науки, но и предлагали свое видение стоящих перед нею задач¹.

Однако особая роль принадлежала новым историческим альманахам, начавшим выходить в этот период. Это, прежде всего, «Одиссей. Человек в истории», «THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем», «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории», «Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории» «Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу»².

Главным средством преодоления кризиса стало расширение исследовательского поля исторической науки.

Стали активно рассматриваться такие новые измерения исторической науки такие как историческая антропология, которая выступает как одно из направлений социокультурной истории. Историческая антропология может быть осмыслена как междисциплинарное исследовательское поле, в центре которого человек во времени, включённый во все возможные контексты. Антропологически ориентированная история изучает «телесность» и сознание людей во всех его формах, их поведение и связи со средой, друг с другом и социумом в целом, в конкретном времени-пространстве, как в диахронии, так и в синхронии³.

¹ Хут Л.Р. Методологические проблемы современной отечественной историографии на страницах журнала «Новая и новейшая история» (1992 – 1996 гг.) // Вопросы теории и методологии истории: сб. науч. тр. Вып. 2. Майкоп, 1997. С.34-48

² Хут Л.Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX-XXI вв.: монография /Л. Р. Хут; Московский педагогический государственный университет; Адыгейский государственный университет. – М.: Прометей, 2010. С.44

³ Чеканцева З.А. Историческая антропология как междисциплинарное исследовательское поле: возможности и пределы // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после «постмодерна». Материалы научной конференции / отв. ред. Л.П. Репина. М., 2005. С.60

Она предстаёт как новое видение истории, новый тип исторического мышления, отличный от позитивизма/историзма XIX века, но соответствующий современному «режиму рациональности».

Такое мышление является дисциплинарной матрицей новой историографии, которая задаёт параметры исторической дисциплины, во многом определяющие её современный облик. Этот подход включает в поле исторической антропологии, наряду с историей ментальностей, комплекс «новых» историй, гендерную историю, историю повседневности.

Другим перспективным течением в современной отечественной историографии со своими оригинальными подходами является новая культурная и новая интеллектуальная история. В западной историографической традиции новая интеллектуальная история ведёт свое родословие с 1973 г., с появлением книги Х.Уайта «Метаистория».

В 90-е гг. XX в. появились первые публикации отечественных исследователей по гендерной истории¹. По времени этот процесс совпал с возникновением в нашей стране первых феминистских группы и независимых женских организаций.

Также одним из многочисленных результатов «историкоантропологического поворота» в гуманитарной мысли стало возникновение истории повседневности – отрасли исторического знания, в центре внимания которой комплексное исследование повторяющегося, «нормального» и привычного, конструирующего стиль и образ жизни у представителей разных социальных слоев, включая эмоциональные реакции на жизненные события и мотивы поведения. Данной проблемой занимались такие представители отечественной гуманитаристики, как Ю.М. Лотман, А.Я. Гуревич, Ю.Н. Бессмертный, Н. Л. Пушкарёва и т.д., предложившие

¹ Бок Г. История, история женщин, история полов // THESIS. 1994. Вып.6.С.170-200; Пушкарёва Н.Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы // Вопросы истории. 1998. №6. С.76-86;

оригинальные подходы к интерпретации жизненных миров людей, живших в разные эпохи и принадлежавших к разным культурам¹.

Одной из проблем связанных с историей повседневности стала проблема разграничения макро и микроистории.

Л. М. Баткин, Ю.Л. Бессмертный предложили следующее соотношение микро- и макроподходов в изучении истории. Микроистория и макроистория сочетаются друг с другом по «принципу дополнительности»².

Микроистория один из ракурсов исторического познания; его отличает: специальное внимание к индивидуальным чертам исследуемых феноменов; нацеленность на осмысление уникального в помыслах и поведении исторических персонажей; акцент на изучении явлений, выпадающих из доминирующей социальной системы и способных содержать разные потенции исторического движения.

Главным итогом дискуссий на исходе XX столетия в российской исторической науке явилось «возвращение человека» в ее исследовательское поле.

¹ Хут Л.Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX-XXI вв.: монография /Л. Р. Хут; Московский педагогический государственный университет; Адыгейский государственный университет. – М.: Прометей, 2010. С.52

² Баткин Л.М. Два способа изучать историю культуры // Баткин Л.М. Пристрастия. Избранные эссе и статьи о культуре. Изд. 2-е, доп. М., 2002. С. 163-185. Бессмертный Ю.Л. Несколько заключительных соображений // Историк в поиске: микро- и макроподходы к изучению прошлого. С. 286-287

§ 2. Постмодернистский вызов для исторической науки.

При использовании достижений постмодернистского дискурса историку потребовалось пристальнее вчитываться в тексты, использовать новые средства, чтобы раскрыть то, что скрывается за прямыми высказываниями, и расшифровать смысл на первый взгляд едва различимых изменений в языке источника, анализировать правила и способы прочтения исторического текста той аудиторией, которой он предназначался, и многое другое.

Серьезные изменения в связи с формированием постмодернистской парадигмы произошли и в сфере профессионального сознания и самосознания историков: они заставили пересмотреть сложившиеся представления о месте истории в системе научного знания, ее внутренней структуре и исследовательских задачах.

Постмодернистская парадигма, которая прежде захватила господствующие позиции в литературоведении, распространив свое влияние на все сферы гуманитарного знания, поставила под сомнение основы историографии:

- 1) само понятие исторической реальности, а с ним и собственную идентичность историка, его профессиональный суверенитет;
- 2) критерии достоверности источника (размыв границу между фактом и вымыслом);
- 3) веру в возможности исторического познания и стремление к объективной истине¹.

История была приравнена, с одной стороны, к литературе и акцентируется роль эстетического критерия в оценке исторического текста, а с другой - к идеологии.

¹ Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика - М.: Кругъ, 2011. С.122

Распространение приемов литературной критики на анализ исторических текстов было связано с концептуальными разработками американских гуманитариев во главе с автором «тропологической теории истории», признанным лидером постмодернистского теоретического и методологического обновления историографической критики Х.Уайтом. Например Х. Уайт уверен, что аргументы историков «должны больше основываться на здравом смысле, чем быть научными, и они должны излагаться в форме нарратива, а не в форме логической демонстрации»¹.

В этих концепциях подчеркивалась «литературность» исторических текстов, выбор жанров, построение сюжета, использование риторических и стилистических приемов, символов, образов, метафор. В наиболее радикальном понимании труд историка становится фактом литературы, а историческое познание – формой эстетического осмысления мира».

Кульминация противостояния двух полярных позиций – «лингвистической» и «объективистской», «постмодернистских критиков» и «ортодоксальных реалистов» – пришлась на рубеж 1980–1990-х гг. Однако потом произошло определенное сближение обеих позиций, в итоге к середине 1990-х гг. «третья платформа», отличная и от научно-объективистской, и от лингвистической, была уже сформулирована.

Выход был найден в парадигме «новой социокультурной истории», интерпретирующей социальные процессы разных уровней сквозь призму культурных представлений, символических практик и ценностных ориентаций². Наряду с освоением приемов литературной критики, внимание было привлечено к «социальной логике текста» – к внелингвистическим характеристикам дискурса, связанным с биографическим, социально-политическим, событийным, духовным контекстами, в которых был создан

¹ Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002. Интервью с Хейденом Уайтом // Диалог со временем. 2005. Вып. 14. С. 344

² Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика - М.: Кругъ, 2011. С.127

текст. Также активно учитывались цели, интересы и мировоззренческие ориентации создателя текста.

Совершенно не похожие на классических позитивистов историки среднего поколения, позитивно восприняли «семиотический вызов» и «реванш литературы». В результате чего сформировалось два перспективных течения, с оригинальными подходами, в которых проявилось мощное стимулирующее воздействие постмодернистских тенденций: новая культурная и новая интеллектуальная история.

В рамках новой культурной истории произошла переориентация социокультурной истории от социальной истории культуры к культурной истории социального, или к культурной истории общества, предполагающей конструирование социального бытия посредством культурной практики, возможности которой, в свою очередь, определяются практикой повседневных отношений.

Культурная история социального, с помощью новой эпистемологии и опыта микроистории, представляет «другой образ социальной реальности».

Социальные нормы и институты рассматриваются в контексте культурных практик исторических акторов, а социальная динамика – как процесс, который включает в себя не только структурную дифференциацию и реорганизацию деятельности индивидов и групп.

Также это включает «реорганизацию умов» – изменения в ценностях и понятиях, т.е. некое новое сознание или новую культуру, которая буквально видит окружающий мир (как природный, так и социальный) с другой точки зрения.

Главная задача исследователя состоит в том, чтобы показать, каким образом субъективные представления, мысли, способности, интенции индивидов действуют в пространстве возможностей, ограниченном

созданными предшествовавшей культурной практикой коллективными структурами, испытывая на себе их постоянное воздействие¹.

При этом новая культурная история сталкивается с трудными эпистемологическими проблемами, связанными со специфическими свойствами нетрадиционных источников, например, таких как следы повседневных практик «простых людей» или литературные памятники².

Индивидуальный опыт и смысловая деятельность понимаются в контексте межличностных и межгрупповых отношений внутри изучаемого социума, с учетом наличия множества так называемых «конкурентных общностей», каждая из которых может задавать индивиду свою «программу поведения» в тех или иных обстоятельствах.

С одной стороны, прочтение каждого исторического текста включает его «погружение» в контексты дискурсивных и социальных практик, которые определяют его горизонты, а с другой стороны, в каждом тексте раскрываются различные аспекты этих контекстов и обнаруживаются присущие им противоречия и конфликты.

В исследованиях этого рода привлекает комбинация двух познавательных стратегий: с одной стороны, пристальное внимание к «принуждению культурой», к способу конструирования смыслов и организации культурных практик, к лингвистическим средствам, с помощью которых люди представляют и постигают свой мир, а с другой – выявление активной деятельности отдельного индивида.

В целом можно отметить, что постмодернистское изучение истории отдает приоритет анализу символических систем, и, прежде всего, лингвистических структур, посредством которых люди прошлого

¹ Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика - М.: Кругъ, 2011. С.131

² Гуревич А. Я. «Территория историка» // Одиссей. Человек в истории 1996. М., 1996. С. 91

воспринимали реальный мир, познавали и истолковывали окружающую их действительность, осмыслили пережитое и рисовали в своем воображении будущее. При этом повышается степень субъективизма исторического знания, но это не означает отказ от объективности истории. По выражению П. Рикера, субъективные склонности являются неотъемлемыми свойствами самой исторической объективности¹. Субъективность уже присуща историческому событию в силу того, что любой исторический источник представляет собой нарративное описание, то есть чей-то последовательный рассказ. Однако при этом постмодернистский дискурс существенно расширяет возможности исторического исследования и делает его более многоаспектным.

¹ Рикер П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 262

§ 3. Пространство российской исторической науки начала XXI в.: проблемы методологии.

Современная российская историческая наука, превратилась в мультипарадигмальную научную дисциплину, для которой характерно наличие множества конкурирующих между собой парадигм исторического исследования». Полилингвизм и отсутствие в отраслях исторического знания единого научного стандарта отмечаются исследователями как характерная черта современной историографической ситуации¹.

Сложное переплетение процессов в методологической сфере отечественной исторической науки рубежа XX-XXI вв. привело к тому, что сегодня в ней, как отмечают исследователи, сосуществуют классическая, неклассическая и неоклассическая модели исследования вытекающие соответственно из классического, неклассического и постнеклассического типов научной рациональности. При этом каждый новый тип рациональности не означает разрыва с предыдущим, а скорее отмечается преемственность методологических установок.

Под влиянием перемен, происшедших в 1990-е гг., преодолен догматизм свойственный историографии советского времени. Марксистская теория и диалектические методы познания перестали восприниматься в качестве символа, знака научности, воплощения научной истины. В то же время, «пережив в 1990-е политическую смерть в России и других, прежде коммунистических странах, марксизм вернул к себе теоретический и практический интерес». Сегодня выходят в свет исследования, авторы которых предпринимают попытки осмыслить исторический процесс с позиций теории марксизма.

¹ Филюшкин А.И. Произошла ли методологическая революция в современной российской исторической науке? С. 59-68; Чубарьян А.О. О некоторых тенденциях развития исторической науки на рубеже веков. С. 31-38; Зубова И.Л. Современное состояние исторической науки: о некоторых результатах поиска новых парадигмально-методологических ориентаций // Фигуры истории, или «общие места» историографии. Вторые Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории /отв. ред. А.В. Малинов. СПб., 2005

Так же необходимо отметить неклассические модели исторического исследования, отвергающей представление о линейности процессов развития, осуществляющей переход от анализа механистических каузальных законов к изучению типологии нелинейного развития, т.е. моделированию сложных систем на основе структурно-функционального и эволюционного анализа, – комплекс исследовательских методов и подходов, включающий методы клиометрики, феноменологический и герменевтический подходы.

Основной вопрос, который волнует исследователей в контексте междисциплинарности, состоит в том, как соединять подходы различных наук в постижении прошлого, чтобы это соединение не превратилось в механическое смешение. Заслуживают внимания искания томской историографической школы в области методологического синтеза. И. Н. Николаева предлагает использование в качестве возможного методологического фокуса междисциплинарных исследований природы бессознательного¹. Она опирается на теории Д. Узнадзе, Э. Эриксона, П. Бурдьё, Э. Фромма, в которых бессознательное «предстаёт как система, включающая не только глубинные или природные структуры человеческой психики, но и накопленный культурный багаж стереотипов, сформировавшихся при непосредственном участии сознания, однако в силу целого ряда причин существующих и действующих в границах данной системы в режиме неосознаваемости». Однако, в целом, по оценкам исследователей, «в большинстве случаев междисциплинарное сотрудничество так и продолжает ограничиваться рамками отдельных исследовательских проектов.

Исследователи выделяют следующие факторы, которые в значительной степени определяют современное состояние методологии и философии истории и затрагивают при этом новейшую историю и историю

¹ Николаева И.Ю. Методологический синтез: «сверхзадача» будущего или реалити сегодняшнего дня? // Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. С.49.

современности. Это процесс глобализации, вызывающий не только политические, но и научные рефлексии, как в области историографии, так и в сфере философии истории. Проблеме «глобальной истории» посвящено достаточно много работ в новейшей западной историографии. В рамках отечественной методологии истории к ней обращаются И. Н. Ионов, В. И. Пантин и другие исследователи¹.

Центральной проблемой в области современной методологии истории стал вопрос, о преодолении «евроцентристской» традиции написания истории, при которой история Европы становится своеобразной «точкой отсчета». Наметились две точки зрения. Первая сводится к тому, что историки должны отказаться от сложившейся традиции «европоцентризма». Она высказывается, по преимуществу, в англосаксонской теории истории. Сторонники второй точки зрения полагают, что возрастание внимания к всемирной истории одновременно приводит к умалению значения локальной истории.

Проблемное поле в исследованиях современной истории находится в сфере сравнительной истории, в сравнении подходов и оценок. Например, можно выделить концепцию влияния «национальной историографии» как определенного набора понятий, ключевых слов, тематических и проблемных конструкций, тесно связанных с интеллектуальной жизнью, традициями, а также и с политическими дискуссиями. Которая пытается объяснить, каким именно образом историки изображают историю своей страны. Этот последний фактор особенно важен в тех случаях, когда речь идет о новейшей истории и об истории современности².

¹ Пантин В. И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М., 2003. Ионов И. Н. Историческая глобализация: предмет и метод // Общественные науки и современность. 2001. № 4; 2) Новая глобальная история и постколониальный дискурс // История и современность. 2009. № 2 (10)

² Рябова Л. К О методологических проблемах изучения новейшей истории и истории современности. Новейшая история России / Modern history of Russia. 2011. №1. С.13.

Другая особенность изучения истории XX в., связана с эволюцией самих исследований в этот период в области социальной и культурной истории. Сейчас в ходе научных дискуссий ставится вопрос о том, что сравнительный анализ проблем в рамках новейшей истории и истории современности, который все чаще предпринимается историками разных стран, требует одной и той же «категориальной сетки» и одинаковых объяснительных принципов. Преодоление различий в мышлении историков должно в конечном итоге привести к созданию новой модели видения истории. Например, возвращение древней традиции «всемирной истории», новой по форме, глобальной по своей практике и научной по своему духу и методам. Это стало возможным благодаря эмпирическим исследованиям, проведенным в прошлом веке в различных областях, а также созданию новых методов абсолютной датировки, которые не зависят от наличия письменных источников. При этом по мнению Й. Рюзена способом написания новой всемирной истории станет традиционная концепция историзма, которая может получить развитие в историографии, являясь ответом на вызовы глобализации и культурных различий¹. Однако обозначенная Й. Рюзеном «традиционная концепция историзма» как способ написания истории разделяется далеко не всеми научными кругами в современной отечественной теории истории. Вместе с тем, нельзя не согласиться с той точкой зрения на исторический метод, согласно которой он должен основываться, прежде всего, на общем знаменателе ценностей, которые характеризуют современность, поскольку все больший вес в мире приобретает гуманизация знания и «культурная функция истории». Последнее утверждение, может быть, особенно значимым для отечественной истории, и прежде всего, для изучения новейшей истории России, которая, остается одной из приоритетных тем в российской и зарубежной историографии. Часто являясь предметом политической спекуляции.

¹ Рябова Л. К О методологических проблемах изучения новейшей истории и истории современности. Новейшая история России / Modern history of Russia. 2011. №1. С.10

Преодоление данных явлений во многом связано не только с состоянием изученности темы в исторической науке, но и с весьма конфронтационными методологическими подходами к ее изучению в нашей стране, с не принятыми в России подходами западных историков.

На специфику современного состояния исторической науки, повлияла также концепция о «западном историческом мышлении» (П. Бёрк, Й. Рюзен). По мнению ряда зарубежных и отечественных теоретиков, авторы этой концепции «описывают не просто западное историческое мышление, но ту его форму, которая возникла в результате доминирования западного стиля интеллектуальной жизни над остальными регионами мира, в результате чего осуществил вестернизацию мировой традиции историописания».¹

Сейчас наступает время спокойного и более свободного, в том числе и от устоявшихся мифологем, подхода к изучению современного периода отечественной истории. Достоверность, научность и независимость позиции историка, особенно если речь идет о новейшей истории, приобретают особую значимость еще и потому, что она должна способствовать преодолению так называемых коммеморативных практик, против которых выступает академическое сообщество различных стран. С точки зрения ряда зарубежных историков (П. Хаттон, П. Рикер, Й. Рюзен), историческое сознание нации, ее историческая память является по-прежнему функцией власти, определяющей, как следует представлять прошлое². В этом случае проблема исторической памяти оказывается проблемой политики коммеморации, то есть проблемой идентификации и описания тех событий, идей или личностей прежнего времени, которые избираются посредниками власти для хранения в памяти. В исследованиях, связанных с новейшей историей, все чаще звучит тема «культурной памяти», через которую

¹ Кукарцева М. А., Колomoец Е. Н. Западное и не-западное историческое мышление: сходства и отличия: Аналитический обзор // Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки. М., 2011. С. 323–348.

² Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003. С. 30.

складывается сознание социальной принадлежности или «коллективной идентичности». Это, в свою очередь, порождает в современной теории истории постановку еще одной проблемы - этической ответственности историка за то знание о прошлом (результаты исследования, выводы автора), которое он предлагает социуму. Эта проблема является особенно болезненной в восприятии не только историков, но и общества в целом¹. Уже сам выбор темы исследования, особенно если она касается новейшей истории, предполагает моральное обязательство писать достоверно. Этическая сторона деятельности историка, которая становится в ХХI в. важной методологической составляющей, с неизбежностью порождает вопрос о преемственности традиционных историографий и выработанного ранее знания (образа мира, страны, эпохи), сформулированного предшествующим поколением историков. Неслучайно в последние десятилетия проблема поколений в теории истории обсуждается как весьма значимый методологический принцип. Концепция «состоявшегося знания» (изученности какого-либо вопроса истории во всех его аспектах и в полной мере) подвергается критике, прежде всего, каждым новым поколением историков, имеющим право на свой, новый взгляд на историю, что в полной мере отвечает принятому ныне эпистемологическому подходу. Метод поколений в исторических исследованиях - это смена поколений и вклад каждого нового поколения историков в историческую науку. Изучение новейшей истории в значительно большей степени, нежели обращение к ранним периодам истории человечества, связано с новым поколением историков, которое, с одной стороны, вышло из сложившихся в годы «холодной войны» научных школ, а с другой - привнесло свой взгляд на историю ХХ в. Поэтому здесь встает вопрос не только о новых подходах, но и об отношении нового поколения историков к наследию своих

¹ Рябова Л. К. О методологических проблемах изучения новейшей истории и истории современности. Новейшая история России / Modern history of Russia. 2011. №1. С.12.

предшественников, обязательства нынешнего поколения перед ушедшими поколениями должны быть универсальными¹.

Анализ методологического пространства современной отечественной историографии указывает, что одной из характерных черт историографической ситуации становится полицентризм. Особенно это проявляется в создании историографических и культурных новаций современным поколением историков, в значительной степени свободных от старых мифологем и более вооруженных последними достижениями технического прогресса.

Заключение

Основными факторами, влияющими на процессы трансформации методологических основ отечественной исторической науки на рубеже XX-XXI в.в. являлись глобализация, вызывающая не только политические, но и научные рефлексии, как в области историографии, так и в сфере философии

¹ Рябова Л. К. О методологических проблемах изучения новейшей истории и истории современности. Новейшая история России / Modern history of Russia. 2011. №1. С.13.

истории, а также кризис отечественной исторической науки. При чем кризис отечественной исторической науки определялся не только профессионально-корпоративными обстоятельствами, как несостоятельность социального проекта, в решение которого оказалась включенной советская историческая наука. При этом «исторической науке из науки по преимуществу социально-политической предстояло стать наукой гуманитарной».

Как уже отмечалось, постмодернистское изучение истории отдает приоритет анализу символических систем, и, прежде всего, лингвистических структур, посредством которых люди прошлого воспринимали реальный мир, познавали и истолковывали окружающую их действительность, осмыслили пережитое и рисовали в своем воображении будущее. Однако при этом постмодернистский дискурс существенно расширяет возможности исторического исследования и делает его более многоаспектным.

Главным итогом дискуссий на исходе XX столетия в российской исторической науке явилось «возвращение человека» в ее исследовательское поле. Основными средствами преодоления кризиса отечественной исторической науки стало вхождение в мировое историографическое пространство, когда отечественным историкам стала доступной для использования многочисленная переводная литература – работы классиков мировой историографии, прежде всего по проблемам методологии истории. А также эмпирические исследования, проведенные в прошлом веке в различных областях, и создание новых методов абсолютной датировки, которые не зависят от наличия письменных источников.

Современная российская историческая наука, превратилась в мультипарадигмальную научную дисциплину, для которой характерно наличие множества конкурирующих между собой парадигм исторического исследования.

В свою очередь сосуществование классической, неклассической и постнеклассической (неоклассической) парадигм познания прошлого в методологическом пространстве современной отечественной исторической

науки повышает роль рефлексии над деятельностью, которая становится основой для пребывания историка в профессии. Методология исследовательского анализа сопрягается с объект-предметной сферой исследования, его целью и задачами, а методологические предпочтения становятся осознанным выбором исследователя.

Основой постижения прошлого становится методологический синтез, предполагающий устойчивый плюрализм методов познания, отсутствие монопольного доминирования тех или иных концепций, формирование нелинейного концептуального пространства, интеграцию разнообразных научных теорий, концепций и парадигм в рамках дискурсивного подхода, развитую научную рефлексия, гибкость и толерантность стиля научного мышления, инновационный характер научных исследований.

Список использованной литературы

1. Баткин Л.М. Два способа изучать историю культуры // Баткин Л.М. Пристрастия. Избранные эссе и статьи о культуре. Изд. 2-е, доп. М., 2002.
2. Бессмертный Ю.Л. Несколько заключительных соображений // Историк в поиске: микро- и макроподходы к изучению прошлого.

3. Бок Г. История, история женщин, история полов // THESIS. 1994. Вып.6.
4. Гуревич А. Я. Историк конца XX века в поисках метода // Одиссей. Человек в истории. М., 1996.
5. Ионов И.Н. Историческая глобализация: предмет и метод // Общественные науки и современность. 2001. № 4; 2) Новая глобальная история и постколониальный дискурс // История и современность. 2009. № 2 (10).
6. Зубова И.Л. Современное состояние исторической науки: о некоторых результатах поиска новых парадигмально-методологических ориентаций // Фигуры истории, или «общие места» историографии. Вторые Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории /отв. ред. А.В. Малинов. СПб., 2005.
7. Кукарцева М. А., Коломоец Е. Н. Западное и не-западное историческое мышление: сходства и отличия: Аналитический обзор // Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки. М., 2011.
8. Логунов А.П. Отечественная историографическая культура: современное состояние и тенденции трансформации. Российский государственный гуманитарный университет. 2001.
9. Николаева И.Ю. Методологический синтез: «сверхзадача» будущего или реальность сегодняшнего дня? // Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы // Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002.
10. Пантин В.И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М., 2003.
11. Пушкарёва Н.Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы // Вопросы истории. 1998. №6.

12. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика - М.: Кругъ, 2011
13. Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004.
14. Рябова Л. К О методологических проблемах изучения новейшей истории и истории современности. Новейшая история России / Modern history of Russia. 2011. №1.
15. Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002.
16. Филюшкин А.И. Произошла ли методологическая революция в современной российской исторической науке? // Фигуры истории, или «общие места» историографии. Вторые Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории /отв. ред. А.В. Малинов. СПб., 2005.
17. Чеканцева З.А. Историческая антропология как междисциплинарное исследовательское поле: возможности и пределы // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после «постмодерна». Материалы научной конференции / отв. ред. Л.П. Репина. М., 2005.
18. Чубарьян А.О. О некоторых тенденциях развития исторической науки на рубеже веков. // Фигуры истории, или «общие места» историографии. Вторые Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории /отв. ред. А.В. Малинов. СПб., 2005.
19. Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003.
20. Хут Л.Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв.: монография /Л. Р. Хут; Московский педагогический государственный университет; Адыгейский государственный университет. – М.: Прометей, 2010.
21. Хут Л.Р. Методологические проблемы современной отечественной историографии на страницах журнала «Новая и новейшая история»

(1992 – 1996 гг.) // Вопросы теории и методологии истории: сб. науч.
тр. Вып. 2. Майкоп, 1997.

.